

«ДЕМОН» ЛЕРМОНТОВА В РЕЦЕПЦИИ МИФОЛОГЕМЫ КОРАНИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ СУДЬБЫ

LERMONTOV'S "DEMON" IN THE RECEPTION OF THE MYTHOLOGEME OF THE KORANIC UNDERSTANDING OF FATE

LERMONTOVNING "JIN"ASARIDA QUR'ONNING TAQDIRNI TUSHUNISH MIFOLOGEMASINI QABUL QILISHI

А.Х.Рахманова

Кандидат филологических наук, доцент,
Кафедра русского языка и литературы,
Навоийский государственный
педагогический институт

Аннотация: В статье решаются проблемы рецептивной эстетики поэмы М.Лермонтова «Демон» в принятии восточной мифологемы коранического понимания судьбы, указывается, что поэтические исследования Лермонтова в плане понимания судьбы и восточных мотивов, явление многомерное в творчестве поэта. Осмысляя и концептуализируя роль Востока в истории становления мира вообще, Лермонтов проводит свою четко прослеживаемую мысль о важности и необходимости изучения основ восточного миропостроения, так как они являются началом понимания новых идей и культурных традиций.

Ключевые понятия: «восточная поэма», рецептивная эстетика, мифологема судьбы, коранические истины, глубина замысла, восточное понимание судьбы, антагонизм образа.

Resume: The article deals with the problems of receptive aesthetics of M. Lermontov's poem "The Demon" in accepting the eastern mythologem of the Koranic understanding of fate, it is indicated that Lermontov's poetic studies in terms of understanding fate and oriental motifs are a multidimensional phenomenon in the poet's work. Comprehending and conceptualizing the role of the East in the history of the formation of the world in general, Lermontov pursues his clearly traceable idea of the importance and necessity of studying the foundations of the Eastern world-building, since they are the beginning of understanding new ideas and cultural traditions.

Key concepts: "Eastern poem", receptive aesthetics, mythology of fate, Koranic truths, depth of intention, Eastern understanding of fate, antagonism of the image.

Annotatsiya: Maqolada M.Lermontovning "Jin" poemasining retseptiv estetikasi muammolari, taqdir haqidagi Qur'on tushunchasining sharqiy mifologemasini qabul qilishda Lermontovning taqdir va sharq motivlarini tushunish nuqtai nazaridan poetik tadqiqotlari ko'p qirrali ekanligi ko'rsatilgan. shoir ijodidagi hodisa. Umuman olganda, dunyoning shakllanishi tarixida Sharqning rolini tushunib, kontseptsiyalashtirgan holda, Lermontov Sharq dunyosi qurilishi asoslarini o'rganishning ahamiyati va zarurligi haqidagi aniq kuzatilishi mumkin bo'lgan g'oyasini amalga oshiradi, chunki ular Sharqning boshlanishi hisoblanadi. yangi g'oyalar va madaniy an'analarni tushunish.

Kalit so'zlar: "Sharq poemasi", retseptiv estetika, taqdir mifologiyasi, Qur'on haqiqatlari, niyat teranligi, qismatni sharqona tushunish, obraz antagonizmi.

Поэтические исследования Лермонтова в плане понимания судьбы и восточных мотивов, явление многомерное в творчестве поэта. Осмысляя и концептуализируя роль	Востока в истории становления мира вообще, Лермонтов проводит свою четко прослеживаемую мысль о важности и необходимости изучения основ восточного миропостроения.
--	--

Исследователь В. Турбин, говоря о своеобразном видении мира Лермонтовым, замечал – «Лермонтов, человек, несомненно, филологически весьма одаренный, обладавший незаурядным чутьем языка, мыслит себя на стыке разнородных языковых потоков и культурных традиций» [7,92]. Эта мысль, как нельзя кстати показывает нам важность и глубину Лермонтова, как поэта и выделяет особенности его поэтического мастерства. Лермонтова всегда глубоко волновали масштабные личности, его мифологема судьбы, как предопределенного начала в суфийской философии, привели его к созданию поэмы «Демон» (1838). Лермонтов называет поэму «восточной» и соответственно появляются вопросы о взаимосвязи названия и главного персонажа произведения.

Лермонтов, называя поэму «Демон», вкладывает в это особый смысл, в виду того, что заостряет внимание на проблеме демонизма в литературе. Нам кажется, что это требует своих четких разъяснений. Демон (дьявол, сатана, падший ангел) в христианской традиции четко противопоставлен Богу. Будучи изгнанным из Рая, он противостоит Богу и, следовательно, здесь прослеживается явный антагонизм Добру и Богу. В мусульманской религиозной традиции также считается, что Иблис враг Бога, но поскольку Бог является высшим над всеми своими созданиями, а Иблис – лишь одно из его многочисленных созданий, то Бог вполне реален в управлении этой силой. Здесь нет явного противопоставления, так как понимание мифологемы судьбы, что все в мире от Бога предполагает, что если демоны созданы Богом, то это для чего-то нужно и необходимо и важно принять это априори. Вот откуда наполнение лермонтовского персонажа «человечностью», понимание его бунтарского начала, стремящегося к познанию, явные претензии к Богу за неприятие этого. Лермонтов проникается этими неоднозначными и для мусульман

идеями понимания поисков смысла жизни Демона (Иблиса). Откуда в душе истинного христианина, проявляются эти неоднозначные мусульманские мотивы и понятия? Нам кажется, что именно в этом, мы можем проследить философско-мусульманскую деструктуризацию его поэтического и авторского сознания и приход к более глубокому пониманию коранических идей.

Его понимание романтического ориентализма сводится не к просто фиксации определенных экзотических, восточных ценностей, он создает свою особую философию пространства, где его эстетические идеи работают на проявление сущностных основ мира. Как и все романтики, его творчеству не чужд романтический пафос трагизма и невозможности счастья на земле. И в этой емкой антитезе, мы выделяем основную антитезу его творчества: «антитезу между мечтой о человеческом счастье и несчастьем в реальной действительности, между великой красотой жизни, земли, человека, творческого деяния, возвышенной любви, единения людей и безобразием «лика» современного ему мира, которое Лермонтов, предвосхищая в этом отношении Достоевского, так глубоко постиг» [1,43]. В этом плане, рассмотрение образа Демона важно для нас пониманием лермонтовского концепта судьбы и восточной предопределенности жизни.

Рассматривая образ лермонтовского демона, мы отмечаем его приближенность к пониманию коранического Иблиса. Сразу же разграничивая два концептуальных понятия христианского и мусульманского подхода к дьяволизму, отмечаем разность подходов. Коранический сатана не находится в антагонизме с Богом, он противопоставлен человеку. Исламское понимание величия Аллаха и всего того, что создано им, является проявлением его абсолютного замысла. Демон, ненавидя человека, вредит ему, так как считает, что он не должен повиноваться

человеку, так как он гораздо выше его и делает это, с точки зрения, мусульманской апологетики, в соответствии со своим «мактубом», «такдиром» - судьбой. Эти две сложнейшие мифологемы судьбы, два совершенно разных понимания одного демонического концепта, становятся для Лермонтова попыткой осознания многомерности мира, попыткой сближения двух разных религиозных философий.

В поэме «Демон» Лермонтов рассуждает не столько об отречении Демона, сколько о возможностях его возвращения к Богу, ибо смысл его расхождений с миром, это, прежде всего, непонимание величины замысла Бога. Лермонтов, по-новому, пытается сказать о страшных муках Демона и здесь блистательно прослеживается след его увлеченности новой философией Востока и Корана. Лермонтов с большой осторожностью подходит к этому, ибо понимает, что излишняя многоречивость, не суть образа, а лишь ее обрисовка. Вот откуда столь тонкое прочувствование основных и важных моментов текста. Так, в монологе, известном как «Клятва Демона», Лермонтов создает высокую риторику и стилистику Корана:

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой

И вновь грозящую разлукой [3,576] и т.д...

И здесь, нам думается, что Лермонтов, знакомый с текстом священной книги Коран, считает вполне приемлемым воспроизведение отдельных, потрясших его строк...

Необходимо отметить, что в Коране есть несколько сур (89, 90, 91, 92, 93, 95), являющихся важными в плане понимания сущности идеи, которые начинаются словами клятвы, которые произносит Пророк Мухаммад. Лермонтовский стих, копирует стих великой Книги,

приближаясь к пониманию гордого одиночества и полного людского отречения. Например, первые стихи из суры 52 «Гора»: «Клянусь Горою Откровений, Начертанным законом Божьим, Развернутым на свитке, И часто посещаемой молельней, И вознесенным пологом небесным, И океаном, вздутым до предела...» (Коран, 52:1-6) [2,549], или начало суры 91 «Солнце»: «В знак солнца и сияния его И в знак луны, что следует за ним, В знак дня, когда он раскрывает свет, В знак ночи той, Когда на солнце свой покров она накинёт, Клянусь небесным сводом И совершенством тем с каким он сотворен, Клянусь землей...» (Коран, 91: 1-6) [2,622]. Лермонтов чувствует силу и мощь подобных выражений, понимает идущий через них свет. Он ищет достойного воплощения образа, его потрясают мощь и сила клятв Корана. Как поэта его не могла не заворожить магия Слова Корана, она завладевает его поэтическим сознанием и в качестве доказательства единичности и необычности своего Демона он использует художественные возможности великой Книги.

Мы уже отмечали, что в XIX веке еще не было правильного понимания религиозной сути Ислама, мусульманская религия воспринималась как религия людей, застрявших на ранних этапах человеческого развития. Лермонтов отвергает подобное понимание и отношение к Исламу, утверждая важность и глубину исламских понятий и постулатов. Его концепция бережного отношения к Священной Книге мусульман говорит о внутреннем уважении истин Ислама.

Лермонтовский Демон велик в своем понимании трагизма отрицания и одиночества. Здесь можно проследить некие всемерные параллели с одиночеством Пророков. Лермонтов понимает, что в его мире зла, фигура протестующего Демона это еще одна попытка понять суть философии «с небом гордой вражды...». То, с какой глубокой осторожностью, Лермонтов использует подобные формулы, по сути,

чуждой ему религии, говорит о невероятном уважении мусульманских кодов и правил жизни, потрясших поэта своей новой правдой. Поэма М.Лермонтова воссоздает потрясающий самоанализ Демона, грешника, желающего понять собственную жизнь и ее проблемы. Вечного скитальца беспокоит отсутствие борьбы, Зло, как категория главной философии жизни, перестает доставлять радость. «Он сеял зло без наслаждения... // Нигде искусству своему он не встречал сопротивления// И зло наскучило ему...» [3,556].

Демон устал от собственного миропонимания, он готов отказаться от этого: «Я отрекся от старой мести, Я отрекся от гордых дум; ...Хочу любить, хочу молиться, Хочу я веровать добру,...» [3,576]. Но, как и свойственно лермонтовским романтикам и героям, в Демоне нет раскаяния, приводящего к покаянию. Утверждение своей позиции идет от прежней амбициозности: «В любви, как в злобе, верь, Тамара, Я неизменен и велик...» [3,577]. Также как и Мцыри, провозглашавшего перед смертью, что дороже рая и вечности ему «несколько минут между крутых и темных скал», [3,598] мы видим яркое свидетельство нового вызова Демона.

Лермонтовский Демон - это сильное начало, протестующее и бунтующее. Светлые силы поэмы с их видением силы Добра не принимают жесткости Демона, для них он средоточие Зла, и душа Тамары – это арена для его сатанинской борьбы. Его с «небом гордая вражда» не приводит к примирению и прощению.

Для Ангела важно защитить душу Тамары, прикрыть, уберечь от страдания. Мы видим структурированные описания Лермонтова и физически ощущаем способность пластического осязания души Тамары, спасенной ангелом. Душа героини, отмучившись, отлетает к райским кушам:

...К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа... [3,582]

Для Демона Тамара была бы спасением и, возможно, прощением, но

именно Д. С. Мережковский угадывает истинную суть момента: «Когда после смерти Тамары Демон требует ее души у Ангела, тот отвечает: «Она страдала и любила, И рай открылся для любви...» [6,404]. Страдающая и мучающаяся душа Тамары принята в рай ввиду того, что Господь милует ее, но почему рай не принимает Демона? Вот в этом и заключается, с нашей точки зрения, основная причина трагедии лермонтовского Демона...

Лермонтов знаком с мусульманскими канонами веры, по которым, раскаявшегося грешника можно простить и принять... Но Лермонтов, в силу собственного характера, не идет в глубь философии исламского Востока... Его Демон, у которого «с небом гордая вражда», не принимается и не признается небом! Таковы парадоксальные мотивы романтизма Лермонтова, не принимающего раскаяние Сатаны. Позиция Лермонтова однозначна, он и сам борец-одиночка и, как и все романтики, видит в Демоне стремление к Познанию. Отсюда и высокая степень трагизма образа.

Образ Демона отличает особая степень накала и художественного проникновения в мир внутренних чувств. Структурированность образа, чувственность и глубина, яркость монологов, интуитивность видения собственной судьбы, объясняет причину выбора Тамары объектом воздыханий Демона: «...чью грусть ты смутно отгадала...». Лермонтов убежден, что выбор не случаен, в образе Тамары Демон хотел обрести сподвижника, чувствующего его душу и вместе с ней «обрести святой покров». В этой сильной и цельной личности Демон видит свое начало, с ней он пытается дать приют своей бунтующей душе, и обрести вечно ждущую благодать, о которой жаждала его душа «с начала мира». Его стремление к «обширному храму без божества», с точки зрения, религиозных канонов христианства невозможно. Его стремление к Тамаре, первоначально воспринимаемое как стремление к

святости, к обретению нравственных ориентиров, как возвращение к Богу, как к примирению с небом, как к дару небес и святости чувств, в конечном итоге, из-за неприятия и неверия в Демона, заканчивается изгнанием Демона вновь...

Лермонтов, создавая эти трагические по глубине и внутреннему накалу сцены, словно задается этими мучающими душу вопросами: а почему не поверили в истинность чувств Демона, а возможно ли перевоплощение демона зла? Д. С. Мережковский увидел в этом двойственную позицию, называя Демона «одним из тех двойственных существ, которые в борьбе с дьяволом и богом не примкнули ни к той, ни к другой стороне» и сравнивал его «с человеческой душой до рождения». [5,44]

Лермонтов пытается дойти до значимых для себя идей: насколько его представление о Кавказе, соответствует дуалистическим идеям запада, очерчивающим Восток, как патриархальное начало. Цивилизационные представления о Западе и Востоке приобретают у него истинно философский характер. Лермонтова, как и Пушкина тянет восток, его привлекает не только особенность этой страны света, но и загадочность души востока. Анализируя творчество поэта, Ю. М. Лотман отмечает, что поэт стал интересоваться «тип культуры Запада и тип культуры Востока, и в связи с этим характер человека той и другой культуры». [4,127]

Несмотря на то, что поэма Лермонтова названа «восточной» и напрямую поэтом подчеркивается эта связь, поэму видят в русле европейских произведений Лермонтова. Хотя, на наш взгляд, здесь достаточно отчетливо звучит тема восточного мироощущения.

Так, таджикский литературовед Холмухамедова Н.Н., высказывая ряд замечаний о «возможной соотносимости центральных образов «Демона» с древнеперсидской мифологией», высказала предположение о «западно-восточном синтезе европейского демонического сюжета и кавказских легенд» [8,541]. И данная точка зрения, очень важна и в том плане, что Холмухамедова отходит от заданной литературоведами тенденции о филоориенталистской направленности кавказских произведений Лермонтова, а пытается доказать эти оригинальные соотношения восточного миропонимания поэта в поэме.

Философское наполнение образов заключается в основной идее текста поэмы: комплекс тираноборческой борьбы за правду приводит Демона Лермонтова к ощущению собственного понимания судьбы личности. Это не просто судьба демона-борца, героя-романтика, изначально противостоящего всем. Это глубокое прочувствование мусульманского понимания судьбы – «такдира». Демон Лермонтова несет в себе зачатки борьбы не с Богом, а с человеком и человеческим, в первую очередь. Нежелание подчиняться Богу, обида «на небо» происходит из-за нежелания быть с человеком в одном ряду, так как глубоко прочувствованная сила и мощь и есть объяснение разности существ (с точки зрения) Демона. Лермонтову хорошо знаком этот коранический мотив и в подтексте поэмы звучит эта трагическая нота непризнанности и обиды Демона за это. Этот текст можно, по праву, считать одним из важнейших в его ориентальной концептосфере, благодаря явно выраженной теме мусульманского понимания судьбы.

Литература

1. Абрамович Г. Трагедийная тема в творчестве Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. -М., 1964.
2. Коран. Перевод смыслов и комментарии И.В.Пороховой.-М., 2001.
3. Лермонтов М.Ю. Демон. Соч.в 2 т. -М., 1990.-Т.1.
4. Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985.